

Ильинков -

Р31902

**С И Н Е Е
В И Н О**

**О Г И З
Г О С Л Я Т И З Д А Т
1943**

Н. РЫЛЕНКОВ

СИНЕЕ ВИНО

СТИХИ

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943*

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ И ЖЕЛЕЗОМ

Прошедшим фронт, нам день сочтется за год,
В пыли дорог сочтется каждый след,
И корпией на наши раны лягут
Воспоминанья юношеских лет.

Рвы блиндажей трава зальет на склонах,
Нахлынув, как зеленая волна.
В тех блиндажах из юношей влюбленных
Мужчинами нас сделала война.

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Но и тогда друг другу в промежутках
Меж двух боев рассказывали мы
О снах любви, и радостных и жутких,
Прозрачных, словно первый день зимы.

Перед костром, сомкнувшись темным кругом,
Мы вновь клялись у роковой черты,
Что, возвратясь домой к своим подругам,
Мы будем в снах и в помыслах чисты.

А на снегу, как гроздьях горьких ягод,
Краснела кровь. И снег не спорил с ней!
За это все нам день зачтется за год,
Пережитое выступит ясней.

1942 г.

ВЕТЕР С ПОЛЯ

Подает почтальон мне письмо заказное,
И тут же, при нем, я конверт разорву,
Услышу в дыханьи полднего зноя
Свисток перепелки, нырнувшей в траву.

Под елью, обвешанной клочьями дыма,
Увижу неяркое пламя костра,
Что с детства любимо, чем сердце томимо,
Что связано кровью, как брат и сестра.

Друзья собираются к шумному стану,
Быть может, они и не вспомнят меня,
Но я вспоминать их всю жизнь не устану,
Им верность храня до последнего дня.

Я знаю, когда орудийным снарядом
Война разорвется на нашем следу,
Я буду в походе шагать с ними рядом
И об руку с ними в атаку пойду —

За жаркие полдни, облитые потом,
За ночи, умытые свежей росой,
За песни, какие, птенцом желторотым,
Я слышал, идя по тропинке косой!

За ветер, качающий облако зноя.
За свист перепелки, нырнувшей в траву, —
За все, что напечет письмо заказное,
Когда я, волнуясь, конверт разорву.

Смоленск, 1940—1941 гг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он с фронта к себе возвращался в село,
Встречал его каждый куст.
А вишеные в теплых садах цвело,
А запах земли был густ.

В поле колхозный спешил грузовик,
Покряхтывая тяжело.
И все, от чего на фронте отвык,
В него с тишиной вошло.

Он весь этот мир, что с детства знаком,
Казалось, снова открыл, —
С дорогой накатанной, с ветряком,
Раскинувшим тени крыл.

С цепочками пчел, что на запах цветов
Тянутся через гать.
И понял: за это за все готов
Он душу свою отдать.

Какой там покой, когда зажжена
Земля с четырех сторон!
«Совсем возвратился?» — спросит жена,
«В отпуск», — ответит он.

Май, 1941 г.

ПАМЯТНИК 1812 ГОДУ В СМОЛЕНСКЕ

Ты видел этот памятник? Скала,
Тяжелый меч в руке простертой галла,
А там, за выступом — гнездо орла,
Что крутизна веков оберегала.

Напрасно ввысь к нему стремится галл,
Повиснув над зияющею бездной,
Здесь каждого пришельца настигал
Закон отмщенья — клюв орла железный!

Россия, родина моя — скала,
Взнесенная над сумрачной долиной,
Врагов твоих читая список длинный,
Мы слышим взмах широкого крыла

И славим сыновей твоих дела,
Их зоркий глаз и острый клюв орлиный!

1940 г.

Прожекторов косые лезвия
Ночное небо полосуют снова.
Шипя, взвилась ракета, как змея,
Из сумрака настороженно-злого.

Опять налет! Который в эту ночь!
Стоим, склонясь в раздумьи над кроваткой,
Где спит, раскинув руки, наша дочь
И летний сон, должно быть, видит сладкий.

Но вот упала бомба, грянул взрыв,
Стопились тучи, пламенем одеты,
И дочь, глаза тревожные открыв,
Меня спросонок окликает: «Где ты?»

Прощай, родная! Я иду туда!
Горят окраин улицы кривые...
Да, что такое ненависть — тогда
Всем существом я ощутил впервые!

Август, 1941 г.

Ты никогда так не была близка мне,
Как в эти дни тревожные, когда
Столетних зданий распадались камни.
В колодцах кровью пенилась вода.

Детей теряли матери, а дети
Теряли детство! Кто его вернет?
Мы позабудем многое на свете,
Но позабыть не сможем этот год.

Все пережить нам легче было б вместе,
Мой друг,

 моя сестра,

 моя жена!

Но ветер нес безрадостные вести,
Луна была, как уголь, сожжена.

От гнева губы сохли, как от жажды,
Не мог я думать ни о чем другом. —

Мне встретиться хотелось хоть однажды
Лицо в лицо,

глаза в глаза —

с врагом.

И я с тобой расстался, дорогая,
Тоской разлуки увеличив счет...
В такие дни, любовь преодолая,
Дорогой мести мужество идет!

1942 г.

* * *

М. Когану

Был сумрак ночи выстрелами вспорот,
Лизал огонь разрывы дымных туч.
С последней частью он покинул город,
Квартиру запер, уходя, на ключ.

И с тем ключом, по всем дорогам длинным,
Он мерил горе городов и сел.
С ним он в разведку уходил под Клином,
В атаку под Волоколамском шел.

И на привалах кратких командиру
Он говорил: «Пусть город мой в дыму,
Я возвращусь на старую квартиру,
В кармане ключ — свидетельство тому!»

1942 г.

* * *

Из лесов разбежались волки, ушли из берлог медведи.
Из норы, обжитой и просторной, лиса увела лисенят.
Лежат мертвецы по дорогам, и вороны, — их соседи, —
Как гости на черной свадьбе, ходят вперед и назад.

А тени от елки к елке промелькнут: острите иголки;
Обгорелые пни и коряги, поднимайте ваши рога!
В трупобой свои возвращайтесь,

лисицы,

медведи,

волки,

Гоните пришельца на запад,

когтите сердце врага!

Небо в звездах, словно полный улей,
Травы пьют медовую струю;
Может быть, в такую ночь под пулей
Суждено мне кончить жизнь мою!

Только, наземь падая у края
Тишины, я не закрою глаз,
Но взгляну на небо, умирая,
Грудью всей вздохну в последний раз.

Все родное — это небо в звездах,
На листе шипучую росу,
Этот медом растворенный воздух —
Я с собой в могилу унесу.

Август, 1941 г.

Что дороже костра на привале?
Он — дорожный приют и уют!
Вновь бойцы, как в деревне певали,
Белорусскую песню поют.

Про весну, про зацветшую ружу¹,
Всем она и родна, и близка.
Вырывается с нею наружу
Накипевшая в сердце тоска.

Я слышал эту песню под Оршей,
Под Москвою услышал опять.
Не придумаешь горечи горше,
Чем об этом пути вспоминать.

Но привстал у костра запевала:
«Я и брат — мы певали вдвоем.
Вот вернемся, не так, как бывало, —
Веселей эту песню споем.

Словно с хлебом да солью на блюде,
Мы пройдем с ней...» И понял я тут,
Отчего эти мирные люди,
Не сгибаясь, в атаку идут!

¹ Ружа — на белорусском языке — роза.

Командир батальона читал до зари «Илиаду».
Стол досчатый скрипел, и огарок чадил восковой,
И в ночи открывалось его воспаленному взгляду
Не сраженье у Трои, а бой под любимой Москвой.

Мужа в бой провожая, там слезы не льет Андромаха,
Но, сжимая оружие, встает с ним бок о бок она...
А в штабную землянку из мутного снежного праха
Шел рассвет. И его посылала со сводкой война.

1942 г.

ДРУЖБА

Ты на фронт явилась прямо
Со студенческой скамьи.
Загрустив по дому, «мама»
Ты шептала в забытьи.

Вся до шпилек и гребенок
Словно соткана луной,
Ты была совсем ребенок
По сравнению со мной.

И не раз в дороге длинной
Мы шутили — не таи,
Что испачканы малиной
Губы пухлые твои.

Отчего ж, скажи на милость,
Не потворствуя судьбе,
В час, когда душа томилась,
Я спешил скорей к тебе?

Я просил тебя: нельзя ли
(То-то было б торжеством!)
Чтобы здесь перевязали
Раны сердца моего?

Отчего мне было легче —
Я никак понять не мог,

Словно ты взяла на плечи
Половину всех тревог.

Но, как прежде, смех твой звонок,
Голос твой певуч грудной,
Но, как прежде, ты ребенок
По сравнению со мной.

Так откуда ж эти силы
У тебя, в конце концов?
...Не такие ль уносили
С поля раненых бойцов?

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Вчера я зеркало разбил, а это,
Слышал я, невеселая примета,
О близкой смерти говорит она.
Что ж, может быть, и так. Теперь война!

Сожжен мой город. От родного быта
Лишь зеркало хранил я, что разбито
Моей рукой неосторожной... Пусть!
Я все изведаль: и разлуки грусть,

И горечь дорогих воспоминаний.
Теперь я не боюсь и смерти ранней,
Я приучился думать поутру
Что, может быть, я к вечеру умру.

Вот слышен гул немецких бомбовозов...
А день уходит, серебрист и розов,
И ты, накинув на ходу шинель,
Спешишь ко мне сквозь редкую метель.

Я встряхиваюсь и бегу навстречу,
Придумывая, что тебе отвечу,
Когда ты поглядишь из-под бровей...
Мне станет стыдно слабости моей!

Твой облик тем и близок мне, и дорог,
Что здесь, как в институтских коридорах,
Проходишь ты, спеша, как на зачет,
Туда, где кровь горячая течет.

Я был согрет не раз твоей заботой.
Сама птенец вчерашний, желторотый,
Ты сразу возмужала на войне
И руку дружбы протянула мне.

И я забыл о зеркале разбитом,
О всем, что мирным называлось бытом,
Мне захотелось жить, чтоб на войне
Пройти весь путь с тобою наравне.

* * *

Меркнут осеннего неба края,
В сумерках смутно лепечет осина...
Ты — возвращенная юность моя
С первым свиданьем у старого тына.

Ты позабыть не успела еще
Встреч наших кратких условные сроки.
Сядь же поближе, склонись на плечо,
Теплым дыханьем обдай мои щеки!

Губы к губам моим жадным приблизь,
Иль ты не чувствуешь тайного зова?
Нет, в дни войны мы недаром сошлись
Здесь, в подмосковной деревне Язеве.

Я не ошибся? Ответ поскорей!
Как же мне чище не стать и моложе,
Если ты с юностью схожа моей,
Как дождевые две капельки схожи.

Так же нам светит небес бирюза,
Так же шумят поредевшие рощи...
Да, человек, заглянувший в глаза
Смерти, становится чище и проще!

Что же, прижавшись щекою к щеке,
Ты замолчала? Взгрустнулось немного!
Слышишь? Сирена вопит вдалеке!
Это летят самолеты. Тревога!

Сентябрь, 1941 г.

Как смела ты присниться, как могла ты,
Еще непостижимая уму,
Из обморочной тишины палаты
Явиться к изголовью моему? —

Так я хотел сказать тебе, но сами
Шептали губы:

— Дай побыть с тобой!

Ты слышишь, за полями, за лесами
Всю ночь грохочет, не смолкая, бой!
И ты сказала:

— Я ль твой сон нарушу? —

Склонилась ниже:

— Где твоя рука? —

И заглянули в душу, прямо в душу,
Твои глаза, раскосые слегка.

На окнах, за ночь вьюгой занесенных,
По стеклам вился серебристый мох,
И глаз моих, тревожных и бессонных,
От глаз твоих я отвести не мог.

Луна в углу разматывала нитки,
Бросала на пол голубой клубок,
И лишь смолкали, хоть на миг, зенитки—
Вдыхала ты, и вздох твой был глубок!

Мне, как с судьбой, с тобой хотелось с глазу
На глаз побыть, увидеть весь свой путь.
Мне показалось:

выйди ты — и сразу

С тобой весь воздух выйдет. Не вздохнуть!

А здесь, с тобой, мне так легко дышалось,
Так верилось, что захотелось вдруг
За шалостью, как в детстве, делать шалость,
Не замечая ничего вокруг!

Я видел лишь пушистые ресницы
И лунный луч, запутавшийся в них...
В ту ночь на дальних подступах к столице
Был враг отбит, и гром орудий стих!

Декабрь, 1941 г.

Когда, задумчив и сутул,
Вхожу я в комнату твою
И опускаюся на стул
Иль молча у окна стою, —

Прошу, не упрекай меня
И равнодушным не зови, —
Верь, я не прожил бы и дня
И часа без твоей любви.

А если я умолк, притих,
Не цвет зари в глазах зачах —
Судьбу ровесников моих
Несу я на своих плечах.

Не знаю сам — снесу иль нет,
Но груз не брошу, не таков.
За всех друзей держать ответ
Я перед временем готов.

За каждый день, за каждый шаг,
За слово каждое, за вздох,
За все, что держится в ушах,
За все, что удержать не мог;

За неродившуюся мысль, —
Которой воплощенья нет,
За сны их тайные, за смысл
Их поражений и побед.

Как мне близки, как мне родны
Они, ровесники мои,
Я понял только в дни войны,
У смятой танком колени.

Я вместе с ними не смогу
Забывать, как шла на нас беда,
Как доставались врагу
На поруганье города!

Как поклялись мы: ни на пядь
Не отступать иль пасть в бью,
Как покатались немцы вспять,
В пути теряя спесь свою!

За нашу воинскую честь
Я шел со всеми наравне,
Но скольких нет в живых — не счесть —
Друзей, испытанных в огне.

И это все в душе таю,
Когда, задумчив и сутул,
Вхожу я в комнату твою
И опускаюся на стул.

* * *

Мы путь от Клина до Волоколамска
Прошли с тобой плечо к плечу в строю,
И, позабывший, что такое ласка,
Тебя берег я, как сестру свою.

Бранил, что ты легко в поход одета:
«Будь так добра, хоть варежки надень!»
Я знал, что у тебя в Рязани где-то
Жених остался. Пишет каждый день.

Ты про него рассказывала часто,
Пытливым взглядом прерывая речь.
От всей души тебе желал я счастья —
Любовь твою нетронутой сберечь!

А я?.. Мне больше ничего не надо,
Чем твой привет — подруги и сестры...
Затягивает сетка снегопада
Неяркие дорожные костры.

Когда-нибудь мне вспомнится, как сказка,
Как сон у зимней ночи на краю,
Весь путь от Клина до Волоколамска,
Что мы прошли — плечо к плечу — в строю.

Волоколамск, 1942 г.

Этот дом на околице немцы сожгли, отступая,
Был, как память о детстве, он светел, уютен и стар.
Здесь хозяйке в одном лишь судьба улыбнулась скупая:
Удалось ей спасти свой любимый большой самовар.

И как только в деревню вошли наши первые части,—
Приготовила стол на своем пепелище она
И зазвала бойцов: «Вы мое утешенье в несчастьи.
За обиды мои заплатили вы немцам сполна!

Угощением простым не побрезгуйте, сделайте милость,
Пусть согреет с дороги вас крепкий малиновый взвар».
На ветру, догорая, последние бревна дымились,
И совсем по-домашнему пел на столе самовар.

Москва, 1942 г.

ВОЛОКОЛАМСКОЕ ШОССЕ

Метель в пустых полях смела,
Метель метет без помела,
И нет ее вины,
Что до сих пор не замела
Она следы войны.

Волоколамское шоссе!
Мы надолго запомним все
Твой каждый перевал.
Крутясь, как белка в колесе,
Здесь немец отступал.

Здесь он оставил впопыхах
Все, что забрал у нас в домах,
У наших отнял жен,
И, словно вор, познавший страх,
Упал в сугроб, сражен.

Вот рядом с ним в снегу лежат
Из плюша пара медвежат,
Из шелка акробат —
Их покупали год назад
Мы для своих ребят.

Стряхнув морозную слюду,
Я на ладони их кладу
И вспоминаю дочь —
Ведь подарил, как на беду,
Я ей таких точь-в-точь.

Я стиснул зубы. Что сильней —
Любовь ли к дочери моей,
Иль ненависть к врагу?
Они равны. Их много дней
Я в сердце берегу.

Бегом же, ненависть, бегом,
За отступающим врагом,
Ему спасенья нет!
Холмы теснят его кругом,
Стреляют сосны вслед.

ПИСЬМА БЕЗ АДРЕСА

Евгении Цунской

ПИСЬМО

Писать всю ночь письмо. Писать, еще не зная,
Сумеешь ли послать. И все-таки писать.
Для самого себя. Поймешь ли ты, родная,
Что я хотел сказать? Нет, спутался опять!

3/19/62
Писать всю ночь письмо. Писать, не ожидая,
Что твой ответ придет. И все-таки писать.
Так вызывать тебя в разлуке мог всегда я,
И верю, что теперь ты явишься опять.

Незримая, войдешь в мою палатку, мимо
Всех часовых. Войдешь, как входит запах трав,
Как входит лунный день. Ты мне необходима,
И ты пришла ко мне. Так разве я не прав?!

Я навсегда тебя запомню — вот такую,
Усталую, в росе Пстой, не пустословь.
За тридевять земель, узнав, как я тоскую,
Спешила ты ко мне. И это есть любовь!

* * *

Тебя забыть? Ты думаешь так просто
Тебя забыть, сердца раз'единить,
Как в раннем детстве, досчитавши до ста,
Заснуть, порвав дневных событий нить? ~~Забывать~~

Какая ты наивная! Какая
Смешная ты! Да, у меня в ушах
Поет грудной твой голос, не смолкая,
Стучится в сердце мне твой легкий шаг.

Ты по ночам, повелевая снами,
Ко мне приходишь, горячишь вне кровь,
И все, что вместе пережито нами,
Передо мной разворачиваешь вновь.

И все теперь мне дорого. Я даже
Размолвки наши горем не зову!
Проснувшись, я ищу тебя: когда же
Тебя увижу снова наяву!

Я буду лучше, чем тогда. Не здесь ли
Копил я нежность, ото всех тая?
Ну, как же я тебя забуду, если
Ты — это я?
Ты молодость моя!

Но приказало время:
Все изведай!
Пусть выступает в письмах кровь из строк.
Нам обусловлен на войне победой
И срок разлуки, и свиданья срок.

Так что ж в глаза заглядывать надежде,
Ее пытливость наша оскорбит.
Я рвусь к тебе. Но я приду не прежде,
Чем будет враг земли моей отбит.

* * *

Ты осталась одна в пустом доме,
Распростилась с детьми, рассталась со мной,
Страданию твоему
Поклон земной.

На зарю поглядела — заря в дыму,
То война из города гонит вон.
Страданию твоему
Земной поклон.

Сквозь полдневный зной, сквозь ночную тьму
Как ушла ты, известно тебе одной.
Страданию твоему
Поклон земной

Как искала детей, не постичь уму.
Зоркость матери — диво для всех времен.
Страданию твоему
Земной поклон.

Знаю, легче в пути миновать чуму,
Чем такую войну обойти стороной.
Страданию твоему
Поклон земной.

Ты и весточки не подаешь тому,
Кто забыл для тебя и покой и сон.
Страданию твоему
Земной поклон.

Только встали мы, один к одному,
За любовь свою нерушимой стеной,
Страданию твоему
Поклон земной.

Я тебя найду, я тебя обниму
На просторе, открытом со всех сторон.
Страданию твоему
Земной поклон.

Поцелую дочь и к груди прижму,
Опьянен нахлынувшей тишиной.
Страданию твоему
Поклон земной.

Загляну в глаза и навек пойму
Зоркость матери — диво для всех времен.
Сердцу чистому твоему
Земной поклон.

Дер. Афоносово, Февраль, 1942 г.

ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Немцем выжженные селенья...
Тени виселиц на снегу...
Нынче день твоего рожденья, —
Как поздравить тебя я смогу?

Я к тебе не приду с подарком.
Ты вина мне не поднесешь.
Скоро полночь, за старым парком
Пулемета смертная дрожь.

Время близится, и по знаку
(Мне приказ боевой знаком)
Я бойцов поведу в атаку,
Путь прокладывая штыком.

Будет бой и долог и жарок,
Смерть пройдет по нашим следам.
Может, самый большой подарок —
Жизнь мою за тебя отдам.

За поруганные селенья,
За сожженные города...
Знай, что день твоего рожденья
Не забуду я никогда.

31 декабря 1941 г.

* * *

Ночь к блиндажу идет по рву,
В трубу пурги трубя.
Здесь и во сне, и наяву
Я помню про тебя.

Спешу к тебе путем атак
И летом и зимой,
Но, может быть, случится так,
Что не дойду домой.

Сраженный пулею шальной,
Я навзничь упаду.
Погасит ветер надо мной
Летучую звезду.

Едва прощальное мое
Сорвется слово с губ,
Как закружится воронье,
Спеша на свежий труп.

Они мне выключают глаза,
И на восходе дня
Твоя горячая слеза
Не оживит меня.

Заря над полем догорит
Последняя моя,
И не найдешь ты, где зарыт
Товарищами я.

К холму, заросшему травой,
Забудутся пути,
Но ты кукушкой горевой
По свету не лети.

Услышав горестную весть
И скорби не тая,
Узнаешь ты, какие есть
У нас с тобой друзья!

Сойдутся все в одну семью,
Как близкая родня,
Чтоб разделить печаль твою,
Чтоб помянуть меня.

Петух захлопает крылом,
Ты поглядишь в окно,
Пустое место за столом
Останется одно!

И ты слезу с ресниц смахнешь,
Поникнешь головой.
И все вздохнут с тобой:
— Ну, что ж,
Он долг исполнил свой!

.

Как ты бледна! Постой, я так.
Сорвался голос мой.
Пройдя сквозь оторопь атак,
Я возвращусь домой.

Услышав радостную весть
И счастья не тая,
Узнаешь ты, какие есть
У нас с тобой друзья.

Петух захлопает крылом —
То гость спешит в жильё.
Займу я место за столом
Любимое свое.

Стаканом о стакан звеня,
Я вспомню все пути,
Скажу: искала смерть меня
И не могла найти.

Она ходила по пятам,
Кропила кровью след,
И если я не умер там —
То здесь мне жить сто лет!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Б. Малкину

В суровый час раздумья нас не троньте,
Расспрашивать не смейте ни о чем,
Молчанью научила нас на фронте
Смерть, что всегда стояла за плечом.

Она другое измеренье чувствам
Нам указала на пути крутом —
Вот почему нам кажутся кощунством
Расспросы близких о пережитом.

Нам было все отпущено сверх меры —
Любовь, и гнев, и мужество в бою,
Теряли мы друзей, родных — но веры
Не потеряли в родину свою.

Не вспоминайте ж дней тоски, не раньте
Случайным словом, вздохом невпопад!..
...Вы помните, как молчалив стал Данте,
Лишь в сновиденьи посетивший ад?

СОДЕРЖАНИЕ

Испытание огнем и железом

«Прошедшим фронт, нам день зачтется за год...»	3
Ветер с поля	4
Возвращение	4
Памятник 1812 году в Смоленске	5
«Прожекторов косые лезвия...»	6
«Ты никогда так не была близка мне...»	6
«Был сумрак ночи выстрелами вспорот...»	7
«Из лесов разбежались волки...»	7
«Небо в звездах, словно полный улей...»	8
«Что дороже костра на привале?..»	8
«Командир батальона читал до зари «Илиаду»...»	9
Дружба	9
Разбитое зеркало	10
«Меркнут осеннего неба края...»	11
«Как смела ты присниться, как могла ты...»	12
«Когда, задумчив и сутул...»	13
«Мы путь от Клина до Волоколамска...»	14
«Этот дом на околице...»	15
Волоколамское шоссе	15

Письма без адреса

Письмо	17
«Тебя забыть?..»	17
«Ты осталась одна в пустом доме...»	18
День твоего рождения	20
«Ночь к блиндажу идет по рву...»	20
Послесловие	22

Редактор В. К а з и н

Подписано к печ. 18.III 1943 г.

$\frac{3}{4}$ печ. лист. 1,01 уч. авт. л. А 429.

Тираж 10 000

Зак. № 107

Цена 1 руб. 25 коп.

•

2-я тип. изд. «Московский большевик».
Москва, Петровка, 17.

1 руб. 25 коп.

